В Диссертационный Совет Д209.002.04
при Московском государственном институте международных отношений (университете)

Отзыв официального оппонента на диссертационную работу Голоуховой Дарьи Валерьевны «МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)», представленную на соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

Изучение многомерной территориальной стратификации городских поселений имеет длительную исследовательскую традицию в социальных науках. При этом сложившиеся в данной области основные методологические подходы в неравной мере учитывают категориальные и метрические признаки объективной дифференциации социальных, экономических, экологических и транспортных ресурсов городских территорий или же, с другой стороны, признаки дифференциации городских локальностей по субъективным измерениям престижа и благополучия, что затрудняет решение фундаментальной задачи систематического соотнесения и интеграции этих подходов с целью разработки унифицированной методологии социологического исследования социально-территориальной структуры современного города. Описанная ситуация определяет *теоретическую и практическую актуальность* диссертационного исследования Д.В. Голоуховой, поскольку его целью является не просто соотнесение существующих языков теоретического описания социально-территориальной структуры современного мегаполиса, но и обоснование единого методологического подхода к многомерной типологизации городских районов, а также разработка практических рекомендаций по интегральной социальной оценке текущего уровня развития городских районов, учитывающих их принадлежность к конкретным таксонам типологии. Дарья Валерьевна реализует обе эти задачи, опираясь на расширенную интерпретацию теории множественных форм капитала,

предложенную П. Бурдье. Последняя сохраняет некоторое сходство с трактовкой капитала у К. Маркса в отношении исторической логики его возрастающего накопления (как овеществлённого труда), однако отличается от последней значительно более метафорическим характером и, как неоднократно отмечалось, парадоксально внеисторическим пониманием природы капитала, которое плохо соотносится с его марксистской интерпретацией как исторически укоренённой формы частной собственности. Следует отметить, что хотя наличие серьезных концептуальных проблем в теории множественных форм капитала Бурдье едва ли может быть оспорено, именно тот способ интерпретации этой множественности, который избирает автор диссертации применительно к исторически определённой реальности современного города (глобального города, городской агломерации), оказывается на редкость удачным с точки зрения возможности создания единого языка описания сопоставимых накопленных преимуществ в разных измерениях качества жизни, а также социально-экономического потенциала разных городских районов. Таким образом, *теоретическая значимость и новизна* диссертационного исследования Д.В. Голоуховой связана с творческим переосмыслением концепта множественных форм капитала, предложенного Бурдье, применительно к описанию привязанных к территориальным районам сопоставимых накопленных преимуществ, определяемых в рецензируемой работе как преимущества в экономическом, культурном, административном, природно-экологическом, жилищном, социальном и символическом каптале. Ещё одним существенным элементом *теоретической значимости* диссертации Д.В. Голоуховой является представленный в гл. 1.1 диссертации критический анализ основных подходов к исследованию социально-территориальной стратификации и социальной структуры города. Следует особо отметить в качестве преимущества данного аналитического обзора характерную для него историко-социологическую перспективу, позволяющую проследить, как менялся фокус социологической (и социально-географической) концептуализации города в контексте изменения самого объекта исследования – от неомарксистских концепций города как пространства классовой борьбы до постмодернистских концепций гетеротопичных и полицентричных мировых городов, которые вполне могут рассматриваться как «новые протоимперии» (автор не делает такого вывода, однако это, на мой взгляд,

могло бы стать интересной перспективой для дальнейшего развития намеченной линии теоретических исследований). Данный раздел обладает и значительной *практической ценностью* с точки зрения возможности использования его при разработке новых учебных курсов, посвящённых теориям и практике городских исследований.

Также заслуживает особого упоминания в контексте оценки общей *научной значимости* работы первый параграф второй главы «Историческая динамика социально-территориальной структуры города Москвы». Этот параграф опирается на широкий круг первичных и вторичных источников – от краеведческих и исторических трудов по истории Москвы до официальных градостроительных документов (генеральных планов реконструкции и развития города, обоснований решений по размещению городских и федеральных объектов и т.д.), - и последовательно описывает досоветский, советский и советский периоды развития города с точки зрения их вклада в те кумулятивные эффекты дифференциации городских районов, которые и описываются в диссертационном исследовании в качестве индикаторов форм городского капитала.

Таким образом, диссертационное исследование Д.В. Голоуховой обладает значительной теоретической и практической актуальностью, научной новизной и значимостью. Дополнительным достоинством представленной диссертации является ясность и последовательность изложения, хороший литературный язык автора.

Вместе с тем, можно сформулировать некоторые замечания к диссертации и пожелания к дальнейшей исследовательской работе её автора:

1) Выше упоминались некоторые недостатки концепции множественных форм капитала Бурдье. Отдельные из этих недостатков (в частности, неисторический анализ форм капитала «до и после» капиталистического способа производства, сомнительность любой не-метафорической интерпретации неэкономических форм капитала в контексте неопределённости в данной концепции понятия прав собственности и отсутствия обоснования теоретической возможности прямой преднамеренной передачи (отчуждения/реаллокации) «других форм» капитала между акторами, в ситуации, когда первый по определению обладает «собственной» лабильностью и подвижностью)

потенциально снижают ценность предложенного в работе оригинального рассмотрения процессов дифференциации и форм накопленного неравенства городских районов в многомерном пространстве ресурсов и преимуществ. Например, представляется недостаточно обоснованным присутствующее в диссертации утверждение о том, что, исходя из тезиса о реализации социального пространства в физическом, можно утверждать, что «обладая определенным объемом капитала, социальный агент (индивид, социальная группа или организация) может реализовать его в различных локациях, закрепив таким образом некоторую часть капитала за определённой территорией. Обладающая капиталом территория, в свою очередь, привлекает к себе других социальных агентов, в результате чего формируются социально-территориальные общности» (с. 53). Обладая такой магической способностью прямой передачи и закрепления, индивидуальные или корпоративные акторы могли бы едва ли не ежедневно легко «перекладывать» социальный или экономический капитал, перемещаясь из мест проживания в места работы и проведения досуга (что, по сути, и утверждает автор далее, не разворачивая, впрочем, это спорный тезис). Однако вполне очевидно, что ценность не только экономического, но и многих других форм капитала по определению связана с ограниченностью его объёма в любой данным момент времени и с относительно автономной объективной логикой его «перемещения в поисках приращения». В частности, хорошо известно, что накопление некоторого предельного объёма капитала на городской территории, ведущее к возрастанию плотности населения и коммуникаций на единицу площади, а также к ухудшению экологической ситуации, росту ставок аренды и т.п., часто приводит к быстрому обесцениванию большинства накопленных преимуществ. Так, население многих мегаполисов закономерно начинает мигрировать из центра в пригороды (а из ближних пригородов – в более дальние), компании и правительства перемещают офисы и учреждения в новые районы, имеющие транспортные и логистические преимущества, обладающие резервами недорогой рабочей силы и т.д. Другим очевидным примером ограниченности расширительной трактовки «других форм» капитала в духе Бурдье может служить природно-экологический капитал. Он едва ли может выигрывать от перемещения на соответствующие территории носителей прочих форм капитала и явно не обладает способностью к самовозрастанию. С

учётом этих соображений можно порекомендовать автору в дальнейшем уточнить предлагаемую в диссертации концептуализацию капитала территории (и, возможно, разработать собственное уточнённое определение или даже собственную терминологию, в меньшей мере зависящие от концепции Бурдье).

2) Как отмечалось выше, значительную ценность работе придаёт предложенный автором методологический подход к интегрированной оценке капитала городских районов, совмещающий а) объективные статистические данные, б) основанные на субъективных самоотчётах оценки воспринимаемых сопоставимых преимуществ административно определённых городских территорий, полученные в опросах, а также в) результаты качественного анализа визуализаций индивидуальных ментальных репрезентаций города как целого, полученных в результате применения методики «ментальных карт». Вместе с тем способ представления в работе конкретных методик, процедур, способов анализа полученных эмпирических данных имеет некоторые ограничения и недостатки, о которых пойдёт речь далее.

Прежде всего, хотя в диссертации присутствует детальное описание конкретных операциональных индикаторов форм капитала, позволяющих автору осуществить эмпирическую классификацию районов как единиц социально-территориальной структуры города, в ней пока отсутствует эксплицитная концептуальная *модель измерения* различных аспектов капитала городского района как *многомерной латентной переменной с множественными индикаторами*, позволяющая учесть направление причинной связи (в частности, провести различие между причинными/формативными индикаторами и индикаторами-следствиями, примерами которых могут служить, соответственно, количество кинотеатров и символическая привлекательность района в глазах горожан), а также указать на характер гипотетической связи (например, два индикатора природно-экологического капитала связаны с латентной переменной негативно, а третий – позитивно). Отсутствие явной модели измерения с указанием направления, характера связей и возможных источников систематической ошибки измерения, в том числе скоррелированных ошибок измерения между разными индикаторами, ограничивает возможность оценки устойчивости полученной эмпирической классификации и возможных угроз валидности основанных на ней

выводов. По сути, качество предложенных эмпирических индикаторов не подвергается самостоятельной оценке в диссертации ни на уровне конструктной валидности, ни на уровне кросс-валидации с другими эмпирическими показателями или оценки надёжности их измерения. Например, трудно определить из представленных данных, верно ли предположение о том, что количество зарегистрированных мигрантов из стран СНГ и других стран (в том числе, видимо, из США и Западной Европы) является валидным и надёжным индикатором социального капитала района? Насколько вообще устойчив, т.е. не подвержен даже случайным ошибкам, показатель количества вузов, расположенных в данном районе и входящих в рейтинг вузов RAEX? Все эти вопросы носят далеко не умозрительный характер, поскольку валидность выводов относительно измеряемых таким образом аспектов капитала городского района критически зависит от качества измерения отдельных индикаторов и требует дальнейшего уточнения в ходе специального исследования.

3) В диссертации недостаточно детально обоснована и описана конкретная процедура кластеризации, не приведены оценки устойчивости и качества полученного решения (также отсутствуют указания на то, как технически реализовывалась процедура, какой статистический пакет/среда использовались, как определялось исходное количество кластеров, как готовились данные – например, были ли пропуски для отдельных показателей и как решались соответствующие проблемы). Крайне скупое описание, представленное на стр. 136-137, не позволяет воссоздать логику анализа данных или систематически сравнить полученное решение с точки зрения его устойчивости или интерпретируемости со сходными эмпирическими классификациями, полученными другими авторами на частично пересекающихся данных (напр., в исследованиях «Механика Москвы» и «Социальный атлас Москвы», которые, впрочем, также не вполне соответствуют стандартам открытого описания методов и процедур анализа данных). Можно предположить, что автор выбрала метод k-средних в силу сравнительно большого количества наблюдений, однако потенциальные недостатки этого решения и способы их нейтрализации требуют эксплицитного обсуждения в работе. Например, неясно, оценивались ли последовательно устойчивость и интерпретируемость решений с разным априорным количеством кластеров или

последнее сразу определялось, исходя из неких содержательных соображений (например, из некой аналитической типологии районов или из результатов предыдущих исследований). Если, как можно предположить, центроиды для кластеров предварительно не задавались (?), то сама процедура и её результаты становятся неустойчивыми и крайне чувствительными к порядку объектов (районов) в списке, первые из которых и назначаются центрами кластеров, что может влиять на итоговое решение. Проводилась ли оценка устойчивости, влияния порядка объектов и, наконец, кросс-валидация с внешними индикаторами различий между районами для описанного решения с шестью кластерами (или нескольких решений)? Ответы на эти вопросы важны и, если этого не делалось, можно порекомендовать автору учесть это замечание в качестве существенного пожелания к дальнейшей работе в избранном направлении.

4) Также не вполне достаточным кажется представленное в диссертации описание методики и процедуры построения и анализа «ментальных карт». Хотя результаты, полученные автором, очень интересны, содержательны и дают возможность для оригинальной теоретической интерпретации, недостаточным предоставляются, в частности, обоснование выбора студентов как целевой выборки для пилотной реализации методики (представленный на с. 77 довод о большей насыщенности, исторической перспективе, в терминах автора − «дуальности» образа города у имеющих больший стаж жизни в городе старших поколений работает скорее против предлагаемого обоснования), а также описание характеристик результирующей выборки (в частности, неясно, какая часть из 34-х опрошенных студентов МГИМО является москвичами с момента рождения и, соответственно, были ли среди опрошенных недавно приехавшие в Москву, хотя последние, вероятно, могли бы стать авторами тех несколько смещённых описаний «высококультурных» районов, прилегающих к МГУ и Юго-Западу, которые обсуждаются в результатах).

Ещё раз отметим, что отмеченные недостатки не являются существенными или неустранимыми, а их обсуждение рассматривается автором отзыва скорее как пожелание к дальнейшей работе Д.В. Голоуховой.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что диссертация Д.В. Голоуховой отличается несомненной теоретико-

методологической и практической актуальностью, значительной научной новизной, содержит практически значимые методические обобщения, сделанные на основе большого объёма эмпирических данных с применением оригинального авторского подхода к комплексной оценке вариативных форм капитала городских территорий, что, в свою очередь, позволяет утверждать, что в данной работе решена новая научная задача, значимая для развития социологической методологии. Основные результаты исследования опубликованы в пяти рецензируемых научных изданиях, соответствующих требованиям, установленным Министерством образования и науки Российской Федерации. Это позволяет сделать следующий вывод: **диссертация Д.В. Голоуховой соответствует всем требованиям, устанавливаемым пунктами 9-11 «Положения о присуждении ученых степеней», разработанного ВАК Министерства образования и науки РФ и утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор несомненно заслуживает присуждения учёной степени кандидата социологических наук.**

Официальный оппонент:

Девятко Инна Феликсовна,
доктор социологических наук
(шифр специальности – 22.00.01 – Теория, методология и история социологии),
профессор, зав. кафедрой анализа социальных институтов
департамента социологии, факультет социальных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

03 мая 2018

Почтовый адрес:
Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 9/11, к. 333
Адрес электронной почты: ideviatko@hse.ru
Телефон: +7(903)7181835

Подпись заверяю
Начальник отдела по кадровому администрированию Управления персонала
Силкина К. П.